

А.А. Чевтаев
A.A. Chevtaev

**«ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ» КАК ПРОБЛЕМА
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ ТВОРЧЕСТВА ПОЭТА**

Рецензия на книгу: Феномен «последнего стихотворения»: теория и практика исследования: коллективная монография. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2022. 178 с.

**"THE LAST POEM" AS A PROBLEM OF LITERARY RECEPTION OF
THE POET'S CREATIVITY**

Book review: The Phenomenon of "The Last Poem": Theory and Practice of Research: a Collective Monograph. Yelets: Bunin Yelets State University, 2022. 178 p.

Рецензия посвящена осмыслению и аналитическому разбору коллективной монографии «Феномен "последнего стихотворения": теория и практика исследования», подготовленной коллективом ученых-литературоведов из разных научно-образовательных организаций России и Украины и изданной Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Рассмотрение 15 статей («параграфов»), 3 из которых посвящены теоретическим вопросам и 12 аналитико-интерпретационному осмыслению «итоговых» стихов конкретных авторских персоналий, показывает важность предлагаемых в книге результатов. Сочетание теоретико-методологических, историко-литературных и практико-аналитических подходов к проблеме «последнего стихотворения» одновременно высвечивает ее аспектную многомерность и способствует концептуальному единению в целом достаточно разных взглядов на семантику, функции и аксиологию данного поэтического феномена. Делается вывод, что данная коллективная монография является существенным вкладом в осмысление проблемы «последнего стихотворения». Составившие данную книгу статьи-«главы» очевидно дают ряд серьезных ответов на вопросы о сущности «последнего стихотворения» в его теоретическом понимании и историко-литературном ретроспективном осмыслении. По сути, поэтика «последнего стихотворения» в предлагаемом исследовательском осмыслении в полной мере может быть определена как поэтика онтологического завершения творческого пути поэта. Предлагаемые теоретические и аналитико-интерпретационные видения «итоговых» стихотворений самых разных поэтов в полной мере позволяют говорить о наличии некоего жанрового «ореола» поэтического текста, являющегося «последним» в творческом наследии автора. Данная монография показывает, что жанровое обозначение «последнего стихотворения» всегда будет «апостериорным», а значит – условным, данным извне творческой системы

поэта. Однако думается, что жанрово-модальные сигналы и некие парадигмальные параметры «последнего стихотворения» вполне могут быть выявлены и установлены.

Ключевые слова: жанровый «ореол» поэтического текста, «последнее стихотворение», поэтика онтологического завершения, творческий путь поэта, художественная целостность.

The review deals with the comprehension and analytical research of the collective monograph "The phenomenon of "the last poem": theory and practice of research", prepared by a team of literary-scholars from various scientific and educational organizations of Russia and Ukraine and published by I.A. Bunin Yelets State University. Consideration of 15 articles ("paragraphs"), 3 of which contain theoretical issues and 12 analytical and interpretative understanding of "the final" verses of specific author personalities, shows the importance of the results proposed in the book. The combination of theoretical-methodological, historical-literary and practical-analytical approaches to the problem of "the last poem" simultaneously highlights its aspect multidimensionality and contributes to the conceptual unity of quite different views on the semantics, functions and axiology of this poetic phenomenon. It is concluded that this collective monograph is a significant contribution to understanding the problem of "the last poem". "The chapters-articles" that have compiled this book obviously provide a number of serious answers to questions about the essence of "the last poem" in its theoretical understanding and historical and literary retrospective comprehension. In fact, the poetics of "the last poem" in the proposed research interpretation can be fully defined as the poetics of the ontological completion of the poet's creative path. The proposed theoretical and analytical-interpretative visions of "the final" poems of various poets fully allow us to speak about the presence of a certain genre "halo" of the poetic text, which is "the last" in the creative heritage of the author. This monograph shows that the genre designation of "the last poem" will always be "a posteriori", which means it is conditional, given from outside the poet's creative system. However, it seems that genre-modal signals and certain paradigmatic parameters of "the last poem" may well be identified and established.

Key words: genre "halo" of a poetic text, "the last poem", poetics of ontological closure, the creative path of the poet, artistic integrity.

Творческий путь каждого поэта в какой-то момент приходит к концу, обусловленному биографическими обстоятельствами – смертью или отказом от поэтической стези по тем или иным причинам. При этом в любом случае в его литературном наследии обнаруживается знак такого финализма – поэтический текст или комплекс текстов, являющих буквальный итог художественных исканий. Соответственно, последнее / «последнее» стихотворение поэта вызывает повышенный интерес вдумчивого читателя и исследователя-литературоведа – и как биографический предел, и как ценностно-смысловое завершение поэтической рефлексии над сущностью человеческого бытия.

Вопрос о «последнем стихотворении» всегда упирается в принципиальную (биографическую) законченность жизни поэта. Логически размышляя, творческий итог того или иного автора-поэта может быть осмыслен только ретроспективно, посредством восприятия его поэтического развития с некой отчетливой временной (исторической) дистанции – когда поэт по объективным причинам более создать ничего не сможет. Иначе говоря, «последнее стихотворение» – это поэтический текст, получающий статус «итогового» извне творческой судьбы автора и становящийся «последним» всегда а posteriori. В этом отношении определение «последнего стихотворения» в литературном наследии поэта сопряжено, прежде всего, с текстологическими и с биографическими

изысканиями, призванными найти и обосновать фактически последний текст, созданный конкретным автором.

Однако мировая поэтическая практика настойчиво показывает, что «последнее стихотворение» поэта, обладающего самоценным художественным языком и репрезентирующего собственную, в той или иной степени уникальную систему миропредставления, оказывается не только буквально финальным текстом в полном корпусе его творений, но и мощным концептуальным подведением художественных и онтологических итогов. Поэтому проблема «последнего стихотворения» из области литературно-биографической неизбежно выходит в сферы авторской поэтологии, художественной аксиологии и онтологии, то есть сопрягается с широким комплексом вопросов о сущности индивидуально-авторского поэтического универсума. Как указывает Ю.В. Казарин, «последнее стихотворение – это одновременно и поэтический текст и метатекст, соединяющий в себе все лучшее, что есть в творчестве поэта, а также отличающий завершение конкретной поэтической личности и обозначающий рубеж, или рубеж, столь же разделяющий, сколько и соединяющий физическую жизнь поэта с его метафизическим существованием» [7, 39]. Это суждение ученого, предельно заострившего проблематику поэтического «итога», безусловно, отвечает сущности «последнего стихотворения» как художественного феномена и подчеркивает тот факт, что «итоговый» текст является «идентификатором подлинности данной поэзии» [7, 44]. «Последнее стихотворение», во-первых, показывает, что его автор своим творчеством явил уникальное поэтическое мировидение, а во-вторых, так или иначе суммирует, концентрирует, качественно синтезирует магистральные линии творческих исканий поэта. Такое понимание статуса и сущности «итогового» поэтического текста существенно и принципиально расширяет спектр вопросов, связанных с исследованиями его поэтики, аксиологии и онтологии. Каркас проблемных зон в этом отношении очерчивается двумя следующими тенденциями: с одной стороны, возникает соблазн абсолютизировать «последнее стихотворение» в качестве точки схождения всех мотивных, образных и ценностно-смысловых решений поэта, с другой – появляется потребность обнаружить «итоговость» там, где ее нет и объективно быть не может, то есть в стихотворениях, хронологически отдаленных от собственно (творчески-биографически) последнего авторского творения. При этом совершенно очевидно, что проблема «последнего стихотворения» является диалектически сложной и концептуально насыщенной и требует самого пристального исследовательского внимания – и в качестве уяснения творческих итогов конкретного поэта, и как отыскание «ключа» к его художественному универсуму.

В современном русском литературоведении вопросы о сущности поэтических «итогов» с теоретико-эстетических, структурно-типологических и историко-литературных позиций начинают осмысляться относительно недавно, а потому все еще являются своеобразной литературоведческой *terra incognita*. Существенный вклад в разработку данной научной проблемы вносят исследования итоговой поэтической книги, предложенные О.В. Мирошниковой, которая на материале «последних» книг поэтов последней трети XIX века показывает, что подобная крупная «циклизация» в их творчестве обладает общей «сквозной лирической коллизией» [8, 116], воплощаемой в мотивах «подведения итогов, тяжбы с быстротекущим временем и поисков вечных незыблемых ценностей» [8, 116]. Концептуальным же поворотом в осмыслении проблемы «последнего стихотворения» является монография-антология Ю.В. Казарина, в которой подробное теоретическое предисловие и собранный материал о ста последних стихотворениях русских поэтов XVIII–XX веков [9] предстают одновременно и опытом глубокой рефлексии над явлениями поэтических итогов в русской поэзии, и мощным плацдармом для дальнейших литературоведческих исследований поэтики и ценностно-смысловой природы «последнего стихотворения». По мысли исследователя, «последнее стихотворение – не о смерти, но обязательно о ней, потому что формально-содержательная гармония последнего текста поэта осуществляет в конце концов трагическое и светлое единство жизни, смерти и

любви» [7, 39]. Данный тезис, при всей его неоднозначности, может быть принят в качестве некой исходной посылки при углублении в проблематику «последнего стихотворения» поэта.

Именно вопросы проблематизации, концептуализации, аналитики и интерпретации «последнего стихотворения» поднимаются и решаются в рецензируемой коллективной монографии «Феномен «последнего стихотворения»: теория и практика исследования», суммировавшей исследовательские практики ученых-литературоведов из разных научно-образовательных организаций России и Украины и изданной Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина [12]. Сразу отметим, что вынесенное в заглавие данной книги понятие «феномена» одновременно указывает и на сущность понимания «последнего стихотворения» в качестве уникального художественного явления, и на магистральный методологический подход к его осмыслению. По мысли О.В. Зырянова, в новой (неканонической) парадигме художественности XIX–XXI вв. «реальная жизнь жанра протекает в творческом сознании автора, т.е. жизнь жанра – это преимущественно его феноменология», а значит «любой жанр – это подвижная система, испытывающая <...> воздействие со стороны других ("смежных") жанров» [5, 523]. Это жанрологическое суждение вполне применимо к иным аспектам поэтики художественного текста, что и демонстрирует рецензируемая монография: феномен «последнего стихотворения» в ней понимается, обсуждается и осмысливается принципиально феноменологически, то есть с позиции презумпции авторской точки зрения на бытие и ее художественно-эстетической синтетичности.

Итак, монография «Феномен «последнего стихотворения»: теория и практика исследования» состоит из двух разделов, составленных из 15 статей («параграфов»): 3 из них посвящены теоретическим вопросам и 12 аналитико-интерпретационному осмыслению «итоговых» стихов конкретных авторских персоналий. Сочетание теоретико-методологических, историко-литературных и практико-аналитических подходов к проблеме «последнего стихотворения» одновременно высвечивает ее аспектную многомерность и способствует концептуальному единению в целом достаточно разных взглядов на семантику, функции и аксиологию данного поэтического феномена.

В первом разделе обозначаются и осмысляются теоретические вопросы рецепции и систематизации феномена «последнего стихотворения». Показательной и теоретически радикальной предстает статья Б.П. Иванюка (автора данного научного проекта и редактора данной монографии) «"Последнее стихотворение": жанрологическая заявка в формате словарной статьи» [12, 4–6]. В ней на обширном материале мировой поэзии предлагается лаконичная формулировка сущности «последнего стихотворения». Подчеркивая, что данное явление не входит в систему более-менее отрефлексированных поэтических жанров, исследователь указывает, что «последнее стихотворение», обладая достаточно устойчивыми формально-содержательными параметрами, вполне может быть интегрировано в систему жанров мортальной поэзии. Б.П. Иванюк указывает на родство «последнего стихотворения» с такими жанрами, как эпитафия, реквием, мартиролог. Думается, что этот жанровый «ореол» может быть расширен, так как «последнее стихотворение» в многомерной поэтической практике демонстрирует родство с жанровыми моделями элегии, дружеского послания, вальсы [6], волонты [11, 140–143], то есть обладает не только мортальным семантическим «ядром», но и мнемоническим и витально метафизическим потенциалом. В любом случае, предлагаемая «жанрологическая заявка» Б.П. Иванюка нам видится принципиальным сдвигом в осмыслении жанровой природы «последнего стихотворения». При этом, конечно, следует помнить, что жанровые рефлексии здесь определяются не только и не столько авторским сознанием (возможно, что и им, но – подсознательно, стихийно, интуитивно), сколько сознанием реципиента, который аксиологически и онтологически видит «последнее стихотворение» как буквально последнее в творческой биографии поэта. Б.П. Иванюк указывает, что «последнее стихотворение» «предполагает выход в экзистенциальный контекст произведения, в жизненные обстоятельства

биографического автора» [12, 5]. Именно это обстоятельство и наделяет данный поэтический феномен проблемным статусом и продуцирует принципиальную рефлексию над сущностью «итогового» текста в творческой системе поэта.

В статье О.В. Зырянова осмысливается феномен последнего стихотворения, явленного в форме лирической миниатюры, которая видится ученому характерным форматом репрезентации творческого итога поэта [12, 6–27]. В данном исследовании проблематизируются параметры итогового текста, который, по мысли О.В. Зырянова, складывается из номинального (демонстрирующего заявку на онтологический итог), и фактического (буквально последнего стихотворения, созданного автором) явлений поэтики, что и определяет концептуальное завершение творческой системы поэта в аксиологическом и онтологическом аспектах. Анализ лирической миниатюры как явления «последнего стихотворения», проведенный на широком материале творчества русских поэтов XIX–XX веков (Д. Хвостова, К. Батюшкова, В. Маяковского, Н. Рубцова, Р. Рождественского), показывает, что предельная сжатость поэтической формы явно коррелирует с концептуальным «попыткой» поэтом своего творческого пути, проявляясь и в тех случаях, когда итог мыслится только метафизическим конструктом, а не биографической реальностью. Представляется, что данный ракурс видения проблемы «последнего стихотворения» вполне может претендовать на опыт типологии, призванной систематизировать весьма существенный пласт итоговых поэтических произведений русской литературы XIX–XX вв.

С.В. Жияков в своем видении проблемы «последнего стихотворения» обращается к вопросам его дуальной поэтики и мнемонической структуры [12, 27–40]. Исследователь обоснованно показывает, что онтологическое завершение творческого пути поэта, явленное в его итоговом тексте, во-первых, носит парадигмальный характер, то есть является автобиографической рефлексией над антиномичностью бытия, заданной всей творческой системой автора, а во-вторых, предельно заостряет экзистенциальную проблематику сопряжения жизни и смерти, то есть творчески демонстрирует «пограничную ситуацию» лирического субъекта, который определяет себя в двойственных координатах «этого» и «того» измерений бытия. Думается, что предложенный исследователем опыт рассмотрения итоговых стихотворений К. Батюшкова и Н. Добролюбова позволяет говорить о «дуальности» и «мнемоничности» «последнего стихотворения» как о весьма существенных, хотя и не абсолютных, его параметрах, что намечает широкий исследовательский простор для уяснения данного феномена в конкретных индивидуально-авторских системах.

Теоретический раздел монографии, конечно, сопряжен с концептуальными исканиями ее авторов [3; 4], а именно с уяснением и обоснованием «сверхтекстовых» и парадигмальных оснований последнего стихотворения как поэтического феномена. Но именно такое представление способствует литературоведческой «онтологизации» творческих итогов того или иного поэта. Собственно, вопрос о «последнем стихотворении» во многом оказывается вопросом о художественной целостности творческого пути поэта. Как указывает В.И. Тюпа, «эстетическое переоформление чего бы то ни было является его конвенциональным оцельнением – приданием оформляемому условной завершенности (полноты) и сосредоточенности (неизбыточности)» [10, 32]. Конечно, здесь речь идет о художественной целостности произведения, которая подробно была концептуализирована и почти исчерпывающе осмыслена М.М. Гиршманом [2]. Однако в случае системной аналитики и ценностно-смысловой интерпретации творчества конкретного автора думается вполне возможным и уместным экстраполировать представления о художественной целостности произведения на художественную целостность / завершенность творчества поэта в целом. Такой «метонимический» перенос видится литературоведчески «легитимным» в силу эмпирического постижения творческих систем самых разных поэтов, «последнее стихотворение» которых маркирует нечто принципиально важное в их художественном миропонимании и тем самым сигнализирует об онтологическом завершении поэтического поиска.

Второй раздел рецензируемой монографии посвящен практическому осмыслению феномена «последнего стихотворения» преимущественно в русской поэзии (одинадцать статей-очерков обращены к творчеству русских поэтов и один – к наследию украинского поэта). Примечательно, что все персоналии (поэты), итоговые стихи которых становятся объектом аналитического и интерпретационного рассмотрения в этой части книги, принадлежат, используя терминологию С.Н. Бройзмана, к стадии «поэтики художественной модальности», на которой «образ обретает свою собственную содержательность», несводимую «ни к предмету, послужившему для него отправной точкой, ни к отвлеченной идее» [1, 259]. Поэтика художественной модальности, соответственно, определяет предельное воплощение авторского самосознания и его личностного (уникального и экзистенциально неповторимого) присутствия в мире. В этом отношении эйдетическая поэтика, вызывая интерес к репрезентированному ее представителями творческому итогу, все же требует выработки иных принципов работы с поэтическим материалом. Соответственно, предлагаемый в рецензируемой монографии контекст «последнего стихотворения» – это контекст зарождения, реализации и развития модальной поэтики с вариативно неисчерпаемыми возможностями ее реализации. При этом, конечно, авторы книги весьма по-разному видят сущность интересующего их художественного явления.

Открывающая аналитически-интерпретационный раздел книги статья А.Н. Пашкурова посвящена последнему стихотворению М.Н. Муравьева «Оборот на себя» [12, 41–46]. Показывая, как в этом, долгое время неизвестном, произведении поэта проявляются его поэтические, автобиографические и прогностические суждения о себе и о России, исследователь приходит к выводу, что в своем итоговом стихотворении поэт синтезирует идеологемы личного и общественного прошлого. Данное осмысление муравьевского итога видится весьма интересным и с историко-литературных, и с поэтологических позиций. При этом предельно редуцированное в работе обращение к собственно тексту, столь принципиальному для понимания его итогов, несколько снижает аксиологический «пафос» утверждаемого в статье творческого «финализма» М. Муравьева.

Статья С.М. Лукьяновой, посвященная «Каменноостровскому циклу» А.С. Пушкина [12, 47–57], являясь интересным опытом интерпретации данного творения поэта, во многом уклоняется от проблемы «последнего стихотворения» и выходит к идеологии «последних» воззрений поэта, которые, по мысли ученого, определяются окончательным формированием и принятием Пушкиным христианского мировоззрения. Конечно, вопрос о пушкинском «последнем стихотворении» в его номинальном и онтологическом смыслах является колоссальной и почти неисчерпаемой проблемой. При этом думается, что предлагаемая С.М. Лукьяновой тотальная «христианизация» творческих итогов пушкинского творчества несколько сомнительна с точки зрения ответа на вопрос: каков онтологический результат творчества А.С. Пушкина, явленный в его «последнем стихотворении». Пушкинская поэтика и мирозерцание поэта все же шире некой идеологической ее конкретизации и потому его «последнее стихотворение» ни в коей мере не может быть «упаковано» в сугубо православный контекст мировосприятия.

Безусловно, интересна статья А.Д. Сесоровой, в которой рассматривается последнее стихотворение А.И. Полежаева [12, 57–62]. Подчеркивая элегический характер итогового творения поэта и подробно анализируя его достаточно «аллегорическую» символику, автор работы обосновывает финальный трагизм бытийного самоопределения полежаевского лирического героя, сопряженный в его «последнем стихотворении» с творческой рефлексией над возможностями элегического жанра. Думается, что в данной работе обнаруживаются ростки типологизации «итогового» текста в поэтической практике русского романтизма.

В работе В.И. Чернышевой проблематизируется вопрос о литературно-аксиологических ориентирах И.А. Бунина, воплощенных в его итоговых стихотворениях [12, 62–69]. Внешняя и внутренняя эволюция поэта от Пушкина к Лермонтову обосновывается как сложное ценностно-смысловое движение бунинской системы

ценностей, в которой оказывается возможной «латентность» лермонтовской парадигмы творчества в качестве исходной и неизменной, что воплощается в итоговых стихотворениях поэта «Ночь» и «Венки». Данное исследование представляется, если и не проясняющим сущность «последнего стихотворения» И. Бунина, что вызвано смещением исследовательских акцентов на его претекстах, то во всяком случае значительным объяснением бунинских противоречий и попыток их творческого избытия.

Две работы в составе монографии посвящены творческому «итогу» Н.С. Гумилева. Одна из них – наша [12, 69–88], нацеленная на уяснение гумилевского опыта верификации и творческого преодоления смерти, явленных в корпусе «последних стихотворений» поэта, которые понимаются как ценностно-смысловое единство мортальной рефлексии лирического «я». Другая – статья М.В. Сапрыкиной [12, 89–98], которая, вслед за Ю.В. Казариным, определяя в качестве «последнего стихотворения» гумилевский текст «На далекой звезде Венере...», анализирует его поэтику как явление проблематизации жизни и смерти. Обе предлагаемые статьи, очевидно разнящиеся и в определении «последнего стихотворения» Н. Гумилева, и в концептуальном видении сущности гумилевского художественного мира, констатируют, что именно смерть предстает «краеугольным камнем» творческой рефлексии поэта. Подобное схождение различных исследовательских рефлексий позволяет думать, что их авторы смогли приблизиться к некой объективной данности «последнего стихотворения» поэта.

В статье Б.П. Иванюка рассматривается стихотворение М.И. Цветаевой «Всё повторяю первый стих...» как последнее / «последнее», что обусловлено принципиальной диалогической установкой поэта на творческий контакт со стихотворением А. Тарковского «Стол накрыт на шестерых...» [12, 99–108]. Исследователь, подробно анализируя поэтику цветаевского стихотворения, показывает, что ее «последний» текст являет собой концептуальную идеологему поэтической реинкарнации и тем самым становится ценностно-смысловым завершением лирического «я» не столько в физических, сколько в метафизических координатах бытия. Предложенное Б.П. Иванюком исследование нам представляется весьма серьезной и методологически обоснованной заявкой на пересмотр интертекстуальных и концептуальных представлений о творческом итоге М. Цветаевой.

С.Л. Страшнов обращается к анализу и интерпретации поэтических итогов А.Т. Твардовского [12, 109–115]. Исследователь показывает, что финализм последних стихотворений поэта сопряжен с изначальной внутренней динамикой развития творческой личности и что важен не столько «последний» текст, сколько концептуальное обобщение жизненного (творческого) пути, в котором идеи личного, общественного и исторического самоопределения совпадают. При всей закономерности и обоснованности подобных выводов все же отметим, что статья оставляет не проясненным ключевой вопрос – что же считать «последним стихотворением» А. Твардовского?

Работа О.В. Червинской посвящена осмыслению творческих итогов украинского поэта Василя Стуса [12, 116–133]. Автор статьи убедительно показывает, как биографический опыт переплавляется в онтологический смысл присутствия человека в мире и как лирический герой поэта обнажает свою экзистенциальность. Анализируя два «последних стихотворения» поэта «Весь обшир мій – чотири на чотири...» и «Зазираю в завтра – тьма і тьмуца...», О.В. Червинская показывает, что в их поэтике утверждается отсутствие жизненно-реальной перспективы для лирического субъекта и тем самым имплицитно ищется иной мир, сопряженный с библейским контекстом.

В статье Д.Л. Лакербая предлагается обращение к последнему стихотворению И.А. Бродского «Август» [12, 133–148]. Данный поэтический текст постоянно становится объектом «бродсковедческой» рефлексии и неоднократно рассматривался в качестве и «итогового» стихотворения поэта, и его «финального» поэтического *credo*. Так, в работах Дж. Смита, В.П. Полухиной, Н.Г. Медведневой «Август» И. Бродского оказывается досконально разобранным. Однако Д.Л. Лакербай находит неисследованный и принципиальный аспект данного стихотворения, а именно его интегральность, которая, при

обращении к предшествующему творчеству поэта и тем претекстам, которые его формируют, показывает, как в буквально последнем стихотворении И. Бродского проявляет себя его магистральная идеология: представление о Поэте – смертном орудии языка, реализующем посредством человека собственную вечность. По сути, в данной работе подспудно утверждается представление об «Августе» как о латентном апофеозе творчества поэта. Данная идея видится спорной, но явно требующей дальнейшего осмысления.

Работа Е.Е. Андреяновой посвящена творческим итогам Г. Айги, а точнее субъектно-пространственной поэтике его стихотворения «Поля этого лета...» [12, 149–159]. Исходя из творческой «итоговости» данного текста, исследователь сосредоточивает внимание на его супрематической поэтике и смыслообразующих аспектах, в целом свойственных художественному минимализму Г. Айги. Предлагаемые анализ и интерпретация стихотворения весьма интересны, однако практически нивелируют вопрос о его «финальности». По сути, в данной статье обнаруживается посылка к рассмотрению стихотворения как «последнего», но далее его аналитика уходит в глубины поэтики и миропонимания Г. Айги как таковые. Осмелимся предположить, что этот концептуальный «просчет» в рецензируемой монографии обусловлен чрезвычайной сложностью серьезного исследовательского разговора о творчестве Г. Айги, которое все еще ожидает детального осмысления.

В статье Е.М. Тюленевой предлагается рассмотрение стихотворения Вс. Зельченко «Лебедь» в контексте последнего стихотворения [12, 160–174]. Методологическая установка здесь оказывается принципиально иной, нежели в предшествующих работах: речь идет о раннем опыте современного поэта, творчество которого никак нельзя считать буквально законченным. Напротив, в данной работе ставится вопрос о том, как стихотворение, не будучи «последним», может быть вписанным в парадигму таковых. Е.М. Тюленева показывает, что «лебединая песнь», семантически верифицируемая поэтом, актуализирует жанровую матрицу «итоговых» стихотворений, заполняемую множеством индивидуально-авторских смыслов. Конечно, в данном случае происходит явный выход за пределы собственно проблематики «последнего стихотворения», однако демонстрируется ее смыслообразующий потенциал, показывающий, что вопросы поэтического «итога» – это явления не только художественной завершенности творчества поэта, но и интертекстуальных и ценностно-смысловых сигналов, которые «последнее стихотворение» подает поэтам-потомкам.

Итак, рецензируемая коллективная монография, посвященная феномену «последнего стихотворения», видится весьма существенным и принципиальным научно-исследовательским шагом в осмыслении поэтических творческих итогов. Составившие данную книгу статьи-«главы» очевидно дают ряд серьезных ответов на вопросы о сущности «последнего стихотворения» в его теоретическом понимании и историко-литературном ретроспективном осмыслении. По сути, поэтика «последнего стихотворения» в предлагаемом исследовательском осмыслении в полной мере может быть определена как поэтика онтологического завершения творческого пути поэта. При этом предлагаемые теоретические и аналитико-интерпретационные видения «итоговых» стихотворений самых разных поэтов в полной мере позволяют говорить о наличии некоего жанрового «ореола» поэтического текста, являющегося «последним» в творческом наследии автора. Конечно, жанровое обозначение такого стихотворения всегда будет «апостериорным», а значит – условным, данным извне творческой системы поэта. Однако думается, что жанрово-модальные сигналы и некие парадигмальные параметры «последнего стихотворения» вполне могут быть выявлены и установлены.

Конечно, онтологическая тайна «последнего стихотворения», сопряженная с глубинными маршрутами движения творческого гения, никогда не будет открыта науке и никогда не получит исчерпывающего описания. Однако приблизиться к ее постижению литературоведение вполне может, и коллективная монография «Феномен "последнего стихотворения": теория и практика исследования» являются тому ярким подтверждением.

В заключение выразим надежду, что данное коллективное исследование получит продолжение и инспирирует системное изучение проблемы и феномена «последнего стихотворения» как в области теоретико-методологических построений, так и в сфере аналитики художественной практики русских и зарубежных поэтов.

1. Бройтман С.Н. *Историческая поэтика*. М., 2001.
2. Гиришман М.М. *Литературное произведение: Теория художественной целостности*. М., 2007.
3. Жияков С.В. *Жанровая традиция стихотворения-«Памятника» в русской поэзии XVIII–XX вв.: дисс. ... канд. филол. наук*. Елец, 2011.
4. Зырянов О.В. «Река времен...» как сверхтекстовое образование в русской поэзии XIX–XX вв. // *Уральский филологический вестник*. 2015. № 3. С. 87–100.
5. Зырянов О.В. *Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект*. Екатеринбург, 2003.
6. Иванюк Б.П. Валета: словарный формат // *Philologos*. 2019. № 1(40). С. 40–45.
7. Казарин Ю.В. *Предисловие // Последнее стихотворение 100 русских поэтов XVIII–XX вв.: антология-монография*. Екатеринбург, 2011. С. 9–62.
8. Мирошникова О.В. *Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитекtonика и жанровая динамика*. Омск, 2004.
9. *Последнее стихотворение 100 русских поэтов XVIII–XX вв.: антология-монография / авт.-сост. Ю.В. Казарин*. Екатеринбург, 2011.
10. Тюпа В.И. *Художественный дискурс (Введение в теорию литературы)*. Тверь, 2002.
11. Тюпа В.И. *Дискурс / Жанр*. М., 2013.
12. *Феномен «последнего стихотворения»: теория и практика исследования: коллективная монография*. Елец, 2022.